

Глава 18: Раскрытие прошлого

—

Ци Бэйнань был на кухне, разжигая огонь. Запеченная курица, купленная утром, уже остыла, и на пергаментной бумаге, в которую она была завернута, образовался слой жирного застывшего желе.

Он разрубил курицу на куски, чтобы быстрее разогреть ее на пару в котле.

Сяо Юаньбао быстро вбежал на кухню и, увидев, что Ци Бэйнань действительно здесь, непроизвольно глубоко вздохнул и радостно подбежал к нему, чтобы схватить за руку.

Ци Бэйнань присел, и Сяо Бяо прижался к нему, положив голову на плечо. Его мягкие волосы свисали, и он молчал.

«Что случилось?»

Ци Бэйнань видел, что он ласкается, и позволил ему прислониться: «Хорошо поспал?»

Сяо Юаньбао кивнул. Ему было неловко говорить, что он боялся, что Ци Бэйнань уехал обратно в уезд Цю, поэтому он тихо сказал: «Немного проголодался».

Ци Бэйнань невольно улыбнулся: «Дай-ка я посмотрю, разогрелась ли курица».

Он встал, повел Сяо Юаньбао к очагу, снял крышку котла, и густой пар окутал их, на мгновение скрыв все.

Когда пар рассеялся, из глиняного горшка донесся аромат куриного мяса.

Ци Бэйнань смочил пальцы водой и поднял горшок. На дне скопился золотистый куриный жир.

Он вытащил куриную ножку, которую специально оставил целой, подул на нее и протянул малышу, который с надеждой смотрел на него.

Сяо Юаньбао, увидев большую куриную ножку, почувствовал, что он действительно голоден, и невольно сглотнул.

Но, получив ножку, он не стал сразу кусать ее, а поднял вверх: «Брат, поешь сначала ты».

Ци Бэйнань не отказался от доброты и символически откусил кусочек. Мясо было немного суховатым, но ароматным. Он похвалил: «Ммм, очень вкусно».

Сяо Юаньбао радостно побежал с куриной ножкой к очагу, чтобы согреться.

Ци Бэйнань, видя, как малыш послушно сидит у очага и с аппетитом ест куриную ножку, улыбнулся и сварил суп из оставшейся зимней мальвы.

К тому времени, как он поставил еду на стол, Сяо Ху и Фан Юлянь уже были навеселе. У Фан Юляня переносимость алкоголя была не такой высокой, как у Сяо Ху, и его лицо слегка покраснело.

Увидев запеченную курицу на столе, он почувствовал сильное слюноотделение. В горле пересохло. Он не помнил, когда в последний раз ел мясо дома.

Но, видя такое угощение, его сердце стало тревожным. Ему обещали работу, а вместо этого так щедро угощают. Фан Юлянь видел, что Сяо Ху не поднимает тему работы, и ему самому было неловко спрашивать, поэтому он пошутил: «поэтому он с улыбкой сказал: «Семья брата Сяо празднует Новый год очень рано. Сегодня ведь даже еще не двадцать четвертое число».

Ци Бэйнань сказал: «Сегодня я открывал ларек в городе. Торговец, продававший запеченную курицу, спешил закрыться, и у него осталась одна курица. Он продал ее дешево, и я купил».

«Я подумал, что запеченная курица отлично подойдет к вину. Жаль, я еще молод и не пью. Дяде Сяо пить одному скучно. Поэтому я позвал старшего брата Фана, чтобы потом он чаще навещал меня».

Фан Юлянь, услышав это, подумал, что Ци Сяо Лан* очень внимательный: «Как я, твой дядя, могу принять такую формальность? В будущем тебе не следует быть таким вежливым».

[*Сяо Лан (小郎, xiǎoláng) – Сяо – маленький; Лан – молодой человек.]

Ци Бэйнань согласился и улыбнулся: «Младший будет вас слушать».

Сказав это, Ци Бэйнань взглянул на Сяо Ху, который понял намек и кивнул.

Тогда он передал объявление о найме Фан Юляню.

«Я был в городе и случайно получил объявление о найме. Уже почти конец года, и дядя Сяо не сможет поехать. Интересно, согласится ли брат Фан взяться за эту работу?»

Фан Юлян взял объявление. Он не умел читать и чуть не перевернул его. Он был удивлен: что это за место, которое выдает объявления о найме?

«Пусть Бэйнань не смеется надо мной. Я простой грубый человек, совсем неграмотный и неопытный. Не знаю, что это за работа, за которую выдают такое объявление».

Ци Бэйнань терпеливо объяснил суть официального уведомления.

Он добавил: «Зарплата довольно щедрая, лучше, чем на других работах. Вот только я не знаю, сколько дней нужно работать в уездном правительстве. Это узнаешь только после явки».

Фан Юлян, услышав о ста с лишним вэнях в день и о доплате в виде литра риса, вскочил от удивления. Объявление в его руке казалось золотым.

Он никогда не слышал о такой хорошей работе в правительстве. Он не скрывал своего незнания и, одновременно удивленный и обрадованный, спросил: «Правда... правда?»

Ци Бэйнань кивнул: «Это не подделка. Сверху есть официальная печать. Ее примут везде. Раньше, когда я был в уезде Цю, я видел такой наем в правительстве. Просто из-за высокой оплаты, по сравнению с рыночной, информация о нем не распространяется. Здесь, в деревне, об этом редко услышишь».

Сяо Ху сказал: «Правда. Я сам не работал, но слышал, как люди, доставлявшие горные товары в поместье, говорили об этом».

Убедившись, что такая хорошая возможность действительно существует, Фан Юлян занервничал: «Это... это, такая хорошая работа, старший брат, сейчас ты не ходишь в горы, может, пойдешь ты?»

«Я не могу пойти, поэтому и позвал тебя. Если бы я мог, я бы не сказал тебе об этом». Сяо Ху сказал: «Я сейчас не могу пойти. Кого ещё я могу попросить, кроме тебя? Не трать это приглашение впустую».

Сердце Фан Юляна загорелось. Он наполнил свою чашу вином: «Старший брат Сяо, я выпью!»

С этими словами он залпом осушил всю чашу.

«Бэйнань, я, дядя, благодарю тебя! Старший брат, благодарю тебя!» Фан Юлян был очень взволнован и выразил много слов благодарности.

Сяо Ху приказал ему сесть и есть мясо.

До этого Сяо Ху не говорил, что за работу он собирается предложить, и Фан Юлян нервничал. Теперь, получив объявление, его сердце успокоилось, и он пил вино с еще большим удовольствием.

Ци Бэйнань подкладывал ему еду. Видя его неприкрытую радость, он знал, что тот ответит на любой вопрос, поэтому взглянул на Сяо Ху.

Сяо Ху, поняв намек Ци Бэйнаня, решил перейти к сути: «Юлян, в тот год, когда я приехал в деревню, ты еще бегал по всей деревне с голой задницей. И вот ты уже взрослый. Я знаю твой характер, и ты знаешь мой. Расскажи мне, почему ты не пришел ко мне, когда задняя стена дома рухнула?»

Фан Юлян икнул и извинился: «Старший брат, я хотел попросить тебя о помощи, но моя мама боялась тебя беспокоить».

Сяо Ху нахмурился: «Беспокоить? Семья Сяо и семья Фан общаются столько лет. Какое тут беспокойство?»

«Я человек прямолинейный, в отличие от твоей невестки, которая была более внимательной. После ее смерти семья Фан отдалилась. Скажи мне прямо сегодня, я что-то сделал не так?»

Фан Юлян, покрасневший от вина, избегал взгляда Сяо Ху: «Нет, ничего такого».

Сяо Ху, увидев это, понял, что действительно что-то не так! Он забеспокоился: «Ты скрываешь от меня. Если ты не скажешь, я не смогу понять, что случилось, даже перед смертью! Что же нельзя обсуждать открыто?»

Фан Юлян, видя волнение Сяо Ху, был в смятении. Его мать строго-настрого запретила ему говорить. Но он чувствовал, что Сяо Ху остался таким же, как и раньше. К тому же, он предложил ему такую хорошую работу. Кто бы еще это сделал? Даже если бы он не мог пойти сам, он мог бы продать объявление. Наверняка нашлись бы желающие купить.

Он понимал, что семья Сяо заботится о нем.

«Да говори же, не томи меня!»

Фан Юлян стиснул зубы: «Старший брат, ты знаешь, что я тоже прямолинейный человек. Мы дружим столько лет, я не хочу ничего скрывать, но об этом действительно трудно говорить».

Сяо Ху нетерпеливо сказал: «Мы как одна семья, о чем ты не можешь говорить!»

«Айя, это, это госпожа Цинь...»

Фан Юлян, под действием вина, выложил все, что натворила госпожа Цинь. Он рассказал все без утайки.

«Мы, конечно, бедны, это правда. Но у нас нет намерения пользоваться чужой добротой. Как я мог рассказать об этом старшему брату? Даже если бы я был толстокожим, я не смог бы этого сказать».

«Ты знаешь мою мать. Она добрая и мягкая, но очень гордая». Фан Юлян был огорчен, его глаза покраснели: «Ладно бы, что госпожа Цинь презирает нас за бедность, так делают многие в деревне, но она обвинила вторую сестру и третьего гера в воровстве! Как так можно! С таким клеймом как им потом найти себе пару!»

Сяо Ху был ошеломлен. Он действительно мало бывал в деревне, но давно заметил что-то неладное в отношениях с семьей Фан. Раньше он думал, что, поскольку его жена часто общалась с бабушкой Сунь, то после ее смерти, ему, молчаливому мужчине, не о чем было говорить с бабушкой Сунь, и это было нормально. Сначала он не придавал этому значения, но со временем почувствовал отчуждение и подумал, что, возможно, произошло какое-то недоразумение.

И вот теперь он узнал, что это было не недоразумение, а вполне реальные факты!

Сяо Ху похолодел. Он сжал в руке палочки для еды.

Хлоп! Палочки с грохотом упали на стол.

Сяо Юаньбао жевал куриную ножку, его рот был покрыт жиром, когда он увидел, что его отец внезапно разгневался.

Он испугался и придвинулся к Ци Бэйнаню.

Ци Бэйнань, услышав причину, понял, что его догадки были верны. Он не вмешивался, поднял Сяо Юаньбао: «Брат ответит тебя вытереть ротик».

«Угу», — тихо ответил Сяо Юаньбао.

«Старший брат, я хоть и выпил, но не пьянствую. Мне было тяжело держать это в себе. Сегодня, веришь ты или нет, я рассказал, и на душе стало легче».

Фан Юлян был умным человеком. Обычно в такой ситуации люди советовали Сяо Ху разобраться с госпожой Цинь. Но это были семейные дела Сяо, и он был младшим. Не ему было судить о старшем. Это могли делать только старшие.

Поэтому он сказал: «Как говорит моя мать, госпожа Цинь — это человек, с которым ты живешь под одной крышей. У каждого свой подход к отношениям. Не сердись».

Сяо Ху хотел не сердиться, но как можно не злиться, услышав все это. История с Сяо Бао уже вонзила в его сердце множество острых шипов, и, не успев отдышаться, он узнал, что госпожа Цинь презирает его близких соседей за бедность и обвиняет их в воровстве.

Она разрушила хорошие соседские отношения. Это был еще один удар ножом в его сердце.

Она вела себя не как жена, пришедшая жить хорошей жизнью, а как человек, пришедший требовать долги.

В этот момент Сяо Ху переживал бурю эмоций, его чувства были очень сложными.

Он почувствовал горечь во рту: «Я был глуп, я виноват. Я никогда не сомневался в ней, но как она могла так обращаться с моим доверием».

Ци Бэйнань, стоя в коридоре, ведущем в зал, слушал их разговор. Все его старания были не напрасны. Наконец-то его заблудший тесть узнал, кто такая госпожа Цинь.

Они еще немного поговорили. Сяо Ху утешал Фан Юляна, говоря, что он ничего не знал, и просил семью Фан не отстраняться.

Раньше они пили с радостью, а теперь, похоже, пьют, чтобы заглушить печаль.

Ци Бэйнань не знал, как Сяо Ху поступит с госпожой Цинь. Нужно было дождаться ее возвращения. Если он снова будет делать вид, что ничего не произошло, у Ци Бэйнаня будут другие планы.

—

<http://bllate.org/book/14487/1282053>